

ИРИНА Ракша и по возрасту, и по времени вступления в литературу, и по характеру своих творческих исканий относится к той генерации наших прозаиков, которые все очевидней и закономерней становятся сегодня одним из ведущих и перспективных писательских отрядов. Все они, поражая многообразием дарования, индивидуального почерка, находясь в расцвете сил и возможностей, в кипении замыслов. Каждый органично связан с нашим временем и склонен к углубленному осмыслению выдвинутых им важнейших нравственных проблем.

За этим стремлением сосредоточен, движет им большой и важный жизненный опыт, несомненно новый в качественном отношении по сравнению с опытом прославившего себя «фронтного поколения» или опытом старших мастеров «деревенской прозы». Ирина Ракша, как и другие ее сверстники, собравшая по перу, успела «зацепить» Великую Отечественную и приобщиться к суровой и высокой ее атмосфере в раннем детстве. Надо сказать, что впечатления тех лет вошли в ее сознание, в память сердца неизгладимо и ярко, став своего рода фундаментом последующих «накопительных». И, думается, это очень важное обстоятельство, во многом определившее процесс гражданского и нравственного формирования будущей писательницы, патристическую и гуманистическую направленность ее таланта. Эти добрые свойства в свою очередь были умножены и закрепились ее участием в целой эпопее, когда Ирина, не окончив десятилетки, «махнула», по ее выражению, из Москвы, где родилась, на Алтай, с одним из первых комсомольских эшелонов.

Здесь, в алтайском предгорье, на заснеженном берегу быстрой Катунь, она и ее товарищи и подруги буквально с первого колыха, с пяти палаток и трех вагончиков, заложили совхоз «Урожайный». Здесь узнали свирепую силу сибирских бурянов, провели первые борозды по жирной земле. Ирина работала учетчицей, трактористкой, лаборанткой, разнорабочей, познавая сладкую тяжесть хлеборобского труда, сближаясь душой, помыслами, чувствами с будущими героями и особенно героинями — во многих рассказах ее предстанут потом перед читателями отчаянные, веселые и нежные рабочие девочки, верные в дружбе и любви, отважно устремленные навстречу своей женской судьбе...

И здесь же состоялось ее первооткрывательское знакомство с «живой» литературой —

памятная встреча с приехавшей в совхоз писательской бригадой — Михаилом Светловым, Василием Субботиным, Марком Соболевым. Сам Светлов сердечно благословил на литературное приключение «амазонку», промчавшуюся мимо него по алтайской степи на взымленном коне. И еще немалую роль в этом отношении сыграла для Ирины завязавшаяся с тех же лет дружба с Шукшиным — родное село Василия Макаровича Сропки находилось в близком соседстве с «Урожайным». Недаром впоследствии он сразу узнал себя в Шульгине — герое одного из самых поэтичных рассказов Ирины «Евразия», посвященном ныне его

краев — охотники и учителя, шоферы и чабаны, инженеры и почтальоны, солдаты и путейцы — люди простых трудовых профессий. Все они честно делают свое дело, быт их не слишком устроен, часто напоминает кочевье. Писательница досконально знает этот быт, уверенно вводит нас в теплушку ремонтника, приткнувшуюся в станционном тупике, в таежный барак лесорубов, в диспетчерскую электростанции. И, самое главное, она стремится понять людей, которых изображает, не упрощая, не идеализируя их, не отступая перед сложными, порой драматическими коллизиями и конфликтами...

ственная сила его, и жизнелюбие.

Тем более значительными представляются эпизоды, рисующие дружбу Сергуни с молодыми шоферами, строителями, его поездку в Талицу, которая совершается не только в пространстве, но словно бы и во времени, ибо Сергуня вновь возвращается в места, где проходила его партизанская юность. Сюда же следует отнести очень подкупающую линию дружбы старика с молодой учительницей и ее сыниминой Петью. У Сергуни нет своих детей — он пожертвовал своим отцовством вместе с женой Полиной, когда, не щадя ни себя, ни ее, трудился в колхозе в годы войны. Но если согласно давней традиции бездетность обычно возводит в некий символ в судьбе героя, как правило, отрицательного — вот, мол, корня не остается у человека на этой земле! — то в случае с Сергуней мы видим прямо обратное — у него есть законнейшие наследники, в чьих делах и нравственном облике он видит, чувствует воплощение собственного бессмертия, оправдание всему, что совершилось, ради чего бились и умирали его сверстники...

Здесь следует подчеркнуть, что в современной прозе, в изображении героя-современника, заметным стало в последнее время стремление к моменту неустойчивого равновесия. Если это житель деревни, то он обретает качество «промежуточности»: одна нога на «деревенском» берегу, другая — на борту лодки, отчалившей в сторону «городского» берега, — образ, возникший еще в шукшинском воображении. Если перед нами горожанин — он рефлексировал и колеблется между добром и злом. Не хочу оспаривать права писателей на подобную диалектику, считаю, что здесь по-своему отражается определенная реальность наших дней. Но думаю, что обращение к герою, который обладает прочной нравственной опорой в жизни, относится к ней по-хозяйски и не считает себя жертвой обстоятельств, еще более оправданно и — более того — необходимо! Именно это мы видим в образе Сергуни. Перед нами народный характер, сформировавшийся в конкретно-исторической ситуации.

Но, разумеется, совсем не случайно подчеркнута здесь близость героя к природе, к ее вечной красоте. И тема природы, образ ее, воплощенный вечно прекрасной громадой хребта Эдиган, который величаво возвышается, «растет» над всеми судьбами и делами людскими, провожая поколение за поколением, — это поэтистичнейший образ в повести. И недаром жизнь Сергуни постоянно связана с Эдиганом, да и смерть свою он находит здесь же, на его склоне, в тайге, сливаясь с любимой и вечной землей, как некогда слилась с нею кровь его товарищей-партизан...

Все это вместе взятое и создает нравственно-философскую наполненность повести, как и вообще всей прозы Ирины Ракши, удивительное свечение картин, воссозданных здесь, и каждого найденного для них слова. И еще раз хочется сказать о том, какое доброе явление в нынешней нашей литературе этот талант, эта поэзия, эти герои...

Вс. СУРГАНОВ

СВЕТ ДОБРА

памяти. Здесь, несомненно, сработал не только зоркий глаз художника, много писавшей с натуры, но и почти органическое единство ощущения и настроения, переданное в каждой строке, в том числе и стихотворной, — повествуя о молодом и самолюбивом поэте, приехавшем в Москву с Чуйского тракта, Ракша «подарила» ему свои юношеские стихи. Облик писателя-самородка не однажды запечатлел потом муж Ирины — замечательный художник Юрий Ракша, с Марьей Сергеевной — матерью Василия Макаровича — Ирина и Юрий будут поддерживать многие годы дружбу и переписку. Именно Шукшину обязана писательница и знакомством с удивительным стариком-паромщиком из Сропок, который стал прототипом Сергуни Литяева в повести «Весь белый свет»...

Так получилось, что алтайская земля, на которой она когда-то выросла, набиралась духовных сил и глубинного понимания человеческой жизни, на которой она приобщилась по-настоящему к земной красе, — эта земля возмстила большую часть ее произведений, как возмстила она бесценный дар ее прославленного земляка. Подобно ему, Ирина стала в прозе своеобразным поэтистическим ее «полпредом» и вообще певцом далеких сибирских и заполярных широт. И любимыми ее героями стали хозяева этих безбрежных и суровых

Открытие и создание Сергуни Литяева, как и вся повесть «Весь белый свет», стали заметным и даже, на мой взгляд, этапным явлением в творческом восхождении писательницы. В Сергуне можно отыскать черты, роднящие его с такими литературными предшественниками, как Олеша из беловских «Плотничьих рассказов», или «Чудики» Василия Шукшина, или простодушный Аким, проведенный Винтоном Астафьевым через ключевые главы его «Царь-рыбы». Образ, воссозданный Ириной Ракшей, можно рассматривать в этом плане как достойный и действенный вклад в коллективное исследование подобного характера.

В то же время этот герой, как и повесть в целом, прочно связан с предшествующими произведениями Ракши. Эта связь подчеркивается интересным сюжетным ходом: Сергуня, приехав в районный центр Талицу, обнаруживает на Доске почта возле райкома партии фотографии и имена людей, которые незнакомы ему, но знакомы нам, читателям Ирины Ракши, — это герои из прежних ее рассказов, которые уже освоили по-крестьянски, по-рабочему, по-хозяйски мир, в котором живет Сергуня. И в этом смысле он им воистину не только земляк, но и кровный брат.

При всем том ему присущи свои особенности. Во-первых, он — «живая страничка истории» — единственный из партизан гражданской войны, доживший до наших дней, человек, которому в молодые годы выпала честь поднять над родной деревней красный флаг, биться с колчаковцами, вершить самоотверженный подвиг крестьянского труда в годы Великой Отечественной. С другой стороны, в своей неутоленной памяти о пережитом, об ушедших друзьях-товарищах, в понимании того, что он несет через годы их мечты, заветы, помыслы о грядущем, Сергуня постоянно близок к людям нынешнего дня. Причем к самым главным его людям — труженикам, людям настоящей живой души. Он для них не чужой, не одинокий осколок минувшего, попавший в равнодушный, не помнящий о прошлом и завоеванном мире, но органическая его часть, звено общей цепи. Отсюда и нрав-

Книжная графика

Художник Ю. РАКША. Из иллюстраций к книге Ирины Ракши «Далеко ли до Чукотки?». Издательство «Московский рабочий».

